

Глава 1

Зима струилась стужей по позвоночнику, морозила кончики ушей, баюкала завыванием ветра. Бруну до боли хотелось обернуться, согреться в шкуре с густым подшерстком, спрятать нос в лапы и уснуть до самой весны. Голова болела злой тягучей болью, словно изнутри к затылку присосался клещ и его гладкое серое брюхо медленно раздувалось, как воздушный шарик.

К зданию подъехало желтое такси и быстро укатило в метель, оставив у крыльца девушку с большим серебристым чемоданом. Ей нечего здесь делать. Явно человечка из самого центра. В такой шубе она бы не прошла по Звериному кольцу и трех кварталов — ее смешали бы с грязью. Девушка вдруг подняла голову и посмотрела прямо на Бруна.

Он раздраженно дернул штору, и карниз с треском отвалился, рухнул на пол, побелка осыпалась мелким крошевом. Брун отшвырнул злосчастные шторы, синяя ткань стекла к ногам грязноватой лужицей. Психолог, который работал с Бруном, уверял, что синий успокаивает. Брун был в бешенстве.

Накануне он едва смог уснуть. Ему все мерещились шорохи и чужие шаги, он подхватывался через каждые пять минут, боясь уйти в глубокий сон, и в итоге едва разлепил веки к обеду. Два будильника, заведен-

ные накануне, оказались бессильны против сна медведя-оборотня.

Он всю осень выбирал себе помощника, который должен был помочь ему пережить зиму и не впасть в спячку. Константин казался идеальным вариантом: спокойный, выдержанный, молчаливый. Физически сильный — черный пояс по карате. Костя переехал к нему в середине ноября и уехал через полторы недели с носом, распухшим, как клюв тукана. Оказалось, что у него сильнейшая аллергия на медвежью шерсть.

Брун рухнул в кресло, упал лбом на шершавую деревянную столешницу. Он не мог нанять первого встречного, слишком много требований. Будить медведя во время зимней спячки — непростая работа, требующая хорошей физической силы и отличной ловкости, чтобы увернуться от возможного удара. Да и пока он спит сном младенца, хорошо бы иметь рядом охранника, который сможет хотя бы задержать нежеланных гостей, которые, он готов был поставить шкуру на заклад, будут. Еще нужна крепкая психическая устойчивость. Не всякий выдержит его даже в радушном настроении.

Все это он честно перечислил в объявлении, которое сейчас висело перед ним на экране ноута. Личный помощник для оборотня-медведя. Совместное проживание на зимний период. Тысяча сторнов за каждый месяц. Не слишком много, но больше он себе не может позволить, итак в бюджете дыра с свиное дупло. Проще всего было бы уехать на зиму на Медвежий остров. Там круглосуточная охрана, уютные берлоги, комфортный микроклимат и спа-комплекс после пробуждения.

Для него это не вариант. Не после того, что случилось прошлой зимой.

Он поднял голову и страдальчески посмотрел на экран ноутбука.

Семь просмотров за три дня.

Остается только забаррикадироваться в своей квартире и надеяться, что он доживет до весны.

— Можно? — В приоткрытую дверь заглянула девушка. — Я по объявлению.

Брун кивнул, на секунду потеряв дар речи при виде пассажирки такси. Девушка перешагнула порог, оставилась, озираясь. Брун стряхнул крошки побелки с плеча, подтянул носком ботинка штору, в тщетной попытке затолкать ее под стол, но девушка заметила его маневр и удивленно приподняла бровь. Впрочем, перед этой фифой не стоит ломать комедию. Все равно она не подходит. Хрупкая, как тонкий фарфор, который лучше даже в лапы не брать — треснет, каштановые волосы свисают до плеч прядями такими рваными, словно их кромсали кухонным ножом. Распахнутая серебристая шубка стоит больше его машины.

— У вас побелка на носу, — сказала она. — Меня зовут Эльза.

— Ты не подходишь, Эльза, — буркнул он, вытирая лицо рукавом.

Эльза — дурацкое имя. Сначала мягкое «л», от которого едва язык не сворачивается, а потом надо сомкнуть зубы, будто кусаешь листок, — так его учила в свое время логопед. Только вот он не травоядный.

— Прощай, — сказал он.

— А еще след на лбу от стола отпечатался, вот тут, — она ткнула пальцем себе в середину лба. — Подхожу.

— Если бы мне нужна была секретарша, я бы, может, тебя и взял. — Он откинулся на спинку кресла,

заскрипевшего, как свежий снег. — Ножки у тебя что надо, общий вид, — он обвел ее в воздухе рукой, — вполне. Бледновата слегка, но это вроде модно сейчас. Закос а-ля кровосос, — он ухмыльнулся случайной рифме. — Кофе варить умеешь? — Дождавшись кивка, продолжил: — Тогда приходи весной, Эльза. В начале апреля.

— Мне нужна эта работа, — упрямо повторила девушка, и в душе Бруна зашевелилось сомнение. А может, и вправду попробовать? Она куда симпатичнее Кости, который к тому же стриг ногти на его ковер.

— Откуда ты вообще взялась? Я не давал адрес в объявлении.

— У вас работал Костя, с аллергией..

— Да. Выходит, он дал тебе адрес, и ты решила заявиться лично. Что ж, похвальная целеустремленность. Но ты не подходишь. Я могу зашибить тебя ненароком и даже не заметить.

Брун махнул рукой, показывая на выход. Эльза вздохнула и медленно задрала юбку. Брун выпрямился в кресле, ошарашенно впитывая неожиданную картину: черные чулки на кружевных резинках, белая гладкая кожа бедер, красшек трусиков.

— Это... весомый аргумент, — заметил он, — хотя под совместным проживанием я не имел в виду интим.

— Я тем более не имею его в виду, — ответила девушка и развернула правую ногу в сторону.

Брун текуче встал, подошел к ней, присел на корточки, рассматривая две алые отметины с синей каймой на внутренней стороне бедра. Втянул запах. Искусственная свежесть духов с цитрусовой ноткой почти забивала естественный аромат, но девчонка пахла человеком. Значит..

— Метка альфа-вампира, — ответила на его мысль Эльза и одернула юбку, словно опустила занавес. Чулки и белая кожа исчезли.

— Но ты все еще человек, — заметил он, выпрямляясь.

— И собираюсь им оставаться как можно дольше.

— Когда он тебя пометил?

— Два месяца назад.

Брун смотрел на девушку сверху вниз, стоя на расстоянии вполшага. Она подняла на него глаза. Рыжекарие, теплые, совсем не такие, как у кровососов. Это временно. Она сорвется.

— То есть ты предлагаешь мне взять в качестве личного помощника и охранника меченую, которая только и будет думать о том, как бы запустить клыки мне в горло?

— Оборотни пахнут не так аппетитно, как люди.

Брун скривился.

— Говорят, вы можете и крысами питаться, если прижмет.

— Не вы. Они. Я не буду пить кровь, и трансформация останется неполной, — голос Эльзы звучал твердо, но Брун не мог ей поверить, как бы ни хотелось.

— Если ты согласилась на метку, так чего теперь тянешь? — спросил он.

— Я не соглашалась, — сказала она и отвела блеснувшие глаза.

Брун замер. Кажется, он что-то такое слышал. Альфа инициировал девушку без ее согласия. В новостях это быстро замяли.

— Слушай, девочка, — он пытался говорить мягко, ему действительно было ее жаль, — ты уже сейчас испытываешь голод. Дальше будет хуже. Однажды ты сорвешься.

— И тогда ты меня убьешь, — ответила Эльза, твердо посмотрев на него.

Брун отступил на шаг.

— Ты ведь недолюбливаешь вампиров, как все оборотни, — затараторила она. — Скажешь — самооборона. Тебе поверят. Молодые вампиры без тормозов.

— Я не хочу никого убивать, — тут он слегка покривил душой, но ей не нужны все его темные секреты.

— Может, и не придется. — Она шагнула и снова оказалась так близко, что он видел свое отражение в ее глазах. — Я подхожу тебе. Я сильная, очень. Почти такая же сильная, как настоящий вампир. — Она судорожно порылась в алой сумочке размером не больше его ладони, вынула ключи и согнула один пальцами. — Я могу вообще не спать. И я не возьму с тебя денег. Судя по всему, у тебя их негусто. Я могу даже сама тебе заплатить.

— В объявлении еще было про психическую устойчивость, — напомнил Брун.

— С этим сложнее. — Эльза впервые улыбнулась, зубы у нее были белые, мелкие, клыки едва выступали.

— Зачем тебе это? — Он осторожно ткнул пальцем в ее щеку. Теплая. Эльза вздрогнула, отшатнулась.

— Я просто хочу прожить эту зиму человеком... Мне нужен кто-то рядом, с кем можно хотя бы поговорить, тот, кто не боится меня, — выдохнула она. Нижняя губа дернулась, и Эльза ее прикусила. Черт, да она чуть не плачет. — Пожалуйста.

Брун перекатился с пяток на носки и назад, взгляд остановился на пухлых вишневых губках. Она может быть подсыллом. От волков или, черт бы их побрал, охотников. Симпатичная ловушка для медведя-шатуна. А когда он уснет, она воткнет нож ему в сердце, а потом

сдерет шкуру на трофей. Но если то, что она говорит, правда? Эльза Даримова, точно, так звали девчонку из новостей. Однажды она оказалась не в том месте и не в то время, а теперь никто ей не поможет, потому что никто в своем уме не станет переходить дорогу альфа-вампиру.

— Ты не подходишь, Эльза. Извини.

Он подождал, пока она выйдет за дверь — губы дрожали, и глаза на мокром месте, но подбородок гордо задран, — вернулся в кресло. Экран ноута погас, но Брун смотрел сквозь него. У него слишком много проблем, чтобы вешать на себя дохлых собак вроде меченой девчонки. Да, он не станет кровососом, даже если Эльза его всего изгрызет, и вряд ли умрет от потери крови — девчонка скорее лопнет, как обожравшийся комар. Но новые враги ему ни к чему.

За окном окончательно стемнело, но Брун не стал включать свет, жалея слезящиеся глаза. Фонари протянули ленту света вдоль улицы — неплохое место: в квартале оборотней, конечно, но во второй линии от человеческого круга. А башню вампиров почти не видно днем. На тонком черном шпиле вдали мерцало бледное искусственное солнце. Девчонка, Эльза, обречена, и лучше бы ей смириться. Хотя Брун не мог не симпатизировать ее упертости. Он знал, каково это, когда судьба закладывает крутой вираж и тебя сносит с трассы и несет по инерции в кювет, а ты забываешь дышать от липкого ужаса, но все еще пытаешься вырваться, в глубине души понимая, что это конец.

Брун, скривившись, отвернулся от башни кровососов и вышел из кабинета, прихватив с собой ноут.

Он спустился по лестнице, на ходу застегивая куртку, толкнул дверь, сражаясь с заевшей молнией и прижимая ноут под мышкой, и едва не споткнулся об дев-

чонку. Она сидела на чемодане, свесив голову на грудь. Снежинки усыпали каштановые волосы, пушистый воротник, укрыли носки сапожек из тонкой кожи.

— Ты заболеешь! — ляпнул Брун и тут же понял, что сморозил глупость. Кровососы не болеют — бонус к бессмертию, или, вернее, к смерти длиной в бесконечность.

Эльза вытерла щеку ладонью, не поднимая головы.

— Иди домой, Эльза. Давай я вызову тебе такси. Твои родители небось с ума сходят.

— Мне некуда идти, — глухо ответила Эльза. — Для родителей меня уже нет.

Брун еще пару секунд гипнотизировал маленький сугроб, медленно вырастающий у нее на макушке, и вздохнул:

— Ладно. Поехали ко мне. Может, сама еще передумаешь.

Он выдернул чемодан из-под вскочившей девицы и потащил к машине.

Рваные облака неслись по небу, толкаясь, словно льдины по реке. Луна блеснула серебряной чешуей в черной полынне и нырнула в глубину. Брун молча закинул чемодан в багажник потрепанного «Шевроле-Тахо», открыл заедающую пассажирскую дверцу.

Эльза, запахнув шубку, приютилась на широком сиденье, спрятала нос в пушистом воротнике.

— Не люблю шубы, — не смог сдержаться Брун.

— Это ведь не из оборотней, — попыталась оправдаться она.

— Все равно.

— Я в последнее время часто мерзну, — пожаловалась она. — Мне постоянно холодно.

Еще бы. Трансформация, насколько он знал, так и происходит. Замедляется сердечный ритм, снижается

температура тела. Похоже на спячку. Однако нервная система, наоборот, разгоняется.

Она выглянула из воротника, взмахнула густыми ресницами. Стоп. А может, это намек? Брун непроизвольно сжал руль сильнее. Девушке одиноко и холодно. Брун покосился на острые коленки, обтянутые черным капроном. Не то чтобы она в его вкусе — уж больно тонкая, явно чистокровная чело-вечка без всяких примесей, но с другой стороны — как может быть не в его вкусе симпатичная девушка в чулках?

Эльза включила радио, гремющий рок заполнил салон, отскакивая горохом от всех поверхностей, барабанив по перепонкам. Ее духи, казалось, пропитали машину насквозь. Остро пахло грейпфрутом и немножко огурцами. Кто в здравом уме захочет пахнуть огурцом? Брун поморщился, но ничего не сказал.

Два месяца назад

Запах крови плыл над лестницей, и Джонни летел по ступенькам, раздувая ноздри. Клыки выступили за губы, в горле пересохло, как в старом колодце. Запах был соленым, горячим, полным страха. Свежая кровь — это не стужившееся пойло в медицинских пакетах, отдающее пластмассой, и это значит, что альфа сорвался. Наконец-то.

Джонни вошел без стука, замер у двери.

Синеватые прожилки бежали по светлому мраморному полу, сплетаясь в узлы вен, густея у подножия одинокого кресла, которое казалось крохотным в пустом овальном зале. Изогнутые резные ножки кресла грелись в темной шкуре. На стене напротив висела картина с водяными лилиями, сияющими в

темноте, словно звезды. Больше ничего. Альфа признавал только те вещи, которые считал совершенными. За спинкой кресла застыла блондинка — идеальная красота.

Джонни направился к фигуре у панорамного окна — черному силуэту на фоне ночного неба. Альфа повернулся, серебристые глаза сверкнули, и Джонни едва сумел сдержать порыв и не упасть на колени перед создателем.

— Микаэль, — он сдержанно поклонился.

— Я не звал тебя, — ответил альфа, снова отворачиваясь к окну.

— Прости, Микаэль, я почувствовал запах.

— Да.

— Ты взял эту кровь насильно.

Альфа промолчал, спрятал руки в карманы. Джонни подошел ближе, стал рядом, но чуть позади. Ночной город раскинулся внизу лоскутным одеялом: людской центральный округ расчерчен улицами ровно, как по линейке, сверкают огни, вывески суматошно моргают — люди боятся темноты, страх заставляет отгораживаться светом от того, что таится во мраке. Звериное кольцо, опоясывающее центр, темнее: редкие билборды да россыпь окон, где маяются бессонницей.

— Ты убил человечку, альфа, — обличил его Джонни. Это была девушка, несомненно, в запахе таилась сладость и желание, наверняка ей самой хотелось стать жертвой, они всегда этого хотят.

— Думаешь?

— Я хочу услышать это от тебя. Я хочу услышать приказ, узнать, что это только начало, что мы установим власть над городом!

Микаэль поднял руку, и Джонни умолк.

— Я иногда забываю, как ты молод, — полные бледные губы изогнулись в кривой усмешке. — Люди слабы, но их много. Я не стану развязывать новую охоту на ведьм. На меня охотились несколько веков, поверь, в этом нет ничего интересного. Мы живем спокойно, люди сами сдают кровь в центрах переливания или даже добровольно подставляют шеи. Почему ты никак не можешь понять, что сейчас золотое время для нас, вампиров?

— Потому что это не так! — возразил Джонни. — Мы берем жалкие капли, а можем взять все!

— Упоение властью дарит ощущение жизни. — Микаэль потрепал Джонни по плечу, и тот задрожал от ласки, как щенок. — Только ты забыл, что, по сути, мы мертвы. С каждым годом, что я ношу в груди остановившееся сердце, бессмысленной суеты все больше. Иногда я думаю — зачем я продолжаю существовать? Все потребности исчезают, мне не нужен комфорт, признание или, упаси тьма, эмоциональная близость. Я не хочу славы, мне не интересны борьба и власть. Знаешь, что осталось?

— Голод? — спросил Джонни.

— Он слабеет с годами, мой мальчик. Его можно контролировать. И это точно не то, ради чего стоит длить бытие. Красота. Эстетика — вот то, что держит меня здесь. Этот мир очень красив. И та девушка, она была восхитительна, красива тонкой красотой, которая не бросается в глаза, но на которую хочется смотреть снова и снова. В ней был свет, словно в этих цветах, — Микаэль повернулся к картине.

— И поэтому ты убил ее? — спросил Джонни. — Скажи, где тело, я все уберу. Нам не нужны проблемы.

— Но люди так хрупки и недолговечны, — продолжил Микаэль, снова отвернувшись к окну. — Я вдруг захотел это исправить.